

из дневника
зануды

Лия Корнилова

Незванный гость Пушкина

*Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ридчарсона и Руссо.*

А. С. Пушкин.
«Евгений Онегин».

Огромная библиотека, составленная большею частью из сочинений французских писателей XVIII века, была отдана в её распоряжение.

А. С. Пушкин.
«Дубровский».

Набили оскомину различные интерпретации, толкования, «остроумные» вариации русской поговорки «Незванный гость хуже татарина». Вот и замечательный писатель Марсель Галиев в своей книге «Поэзия духа», главы из которой опубликованы в сегодняшнем и прошлом номерах «Казанского альманаха» под исконным заголовком «Симфония духа», взялся раскрыть подлинный смысл поговорки и объяснить, почему же Пушкин использовал её в качестве эпиграфа к одной из глав «Капитанской дочки». Главу с размышлениями на эту тему под названием «Кто ты, незванный гость?» альманах опустил, но вкратце смысл её сводится к тому, что под фразой «хуже татарина»

автор «Симфонии» разглядел незваных гостей с Запада, то есть европейцев, которые, мол, заполонили хлебные места в социальной иерархии России. Прошу простить за развёрнутую цитату:

«В эпоху Пушкина «заморские гости» уже давным-давно укоренились и освоились в России, по лукавому умыслу приняли православие и, втёршись в доверие, прочно заняли самые прибыльные места в обществе. Начиная с главнокомандующего русской армией и завершая обыкновенным шулером-астрологом, в каких только ипостасях не проявляют они свои способности: придворные учителя и наставники, шуты и клоуны, лекари, дипломаты, банкиры, организаторы масонского

ложе, тайные советники, аптекари, знавшие секреты как исцеления, так и отравления, служители религии, эзотерики, портные, архитекторы, торговцы, ростовщики и представители множества других ремёсел».

Перечисление лукавых «заморских гостей» начато с главнокомандующего русской армией, то есть с выдающегося полководца, военного министра России, генерал-фельдмаршала, героя Отечественной войны 1812 года Михаила Богдановича Барклая-де-Толи (при рождении – Михаэль Андреас Барклай де Толи), происходившего из бюргерской немецкой семьи с шотландскими корнями. Это он спас русскую армию, отступая под натиском превосходящих сил Наполеона, маневрируя и уклоняясь от генерального сражения. Но под более жестоким натиском – кляуз, доносов и шпиономании – Барклай вынужден был передать спасённую армию Кутузову. Русский (татарского происхождения) полководец Михаил Илларионович Кутузов продолжил тактику «немца и шпиона» Барклая и оставил даже саму Москву...

Напомним, Барклай-де-Толи – полный кавалер ордена Святого Георгия, кавалер орденов Св. Владимира и Св. Анны... В сражении с французами при Прёйсиш-Эйлау (1807) был тяжело ранен. Выдающийся полководец из-за своего незнатного происхождения трудно продвигался по служебной лестнице: чтобы добраться от поручика до полковника ему понадобилось два десятка лет. Зато потом, после Бородина, Лейпцига, взятия Парижа, он всего за семь лет дошёл от генерал-майора до жезла фельдмаршала и командования объединённой русско-прусской армией (1813).

И в завершении о нём. Нельзя не упомянуть тот факт, что в честь двадцать пятой годовщины победы в Отечественной войне 1812 года на площади перед Казанским собором в Санкт-Петербурге были торжественно открыты всего два скульптурных памятника героям той войны – двум замечательным полководцам, превзошедшим гений самого Напо-

леона, двум фельдмаршалам Кутузову и Барклаю-де-Толи.

А «наше всё» Пушкин, говоря о войне с французами в своём главном произведении «Евгений Онегин», опускает и Кутузова, оставляя из полководцев его одного – М. Б. Барклая-де-Толи:

Гроза двенадцатого года
 Настала – кто тут нам помог?
 Остервенение народа,
 Барклай, зима иль русский бог?

Вот такой втеревшийся в доверие немчина заморский.

Кто там следующий по списку? При-знаюсь, шутов и клоунов не знаю. А вот лекаря, другого немца в Казани знают все – это доктор медицины и хирургии, профессор, ректор Казанского университета, натуралист, историк, этнограф, автор, кроме всего прочего, уникальных книг о Казани и казанских татарах Карл Фукс. Он хорошо знал татарский язык, арабскую письменность... С недоверчивыми пациентами-татарками говорил на их родном языке, а лекции в университете читал на русском. Кроме того, в совершенстве владел английским, французским, итальянским языками. Кстати, когда Пушкин приехал в Казань, принимал его и сопровождал как раз укоренившийся в Казани германец.

Дальше – аптекари. Тут уж, в самом деле, место весьма тёпленькое, и, естественно, немец сидел на немце и немцем погонял. Самая лучшая аптека в городе, на Проломной, принадлежала Иоганну и Арнольду Бренингам. Арнольд Иванович (сын Иоганна) и татарский выучил: а то придёт в аптеку татарин, не знающий русского языка, и уйдёт ни с чем. Провизор Бренинг допустить такое не мог. И сегодня аптека Бренингов продолжает свою жизнь. Она расположена на углу улиц Баумана и Университетской. Кто её в Казани не знает?!

Что касается архитекторов, то тут и школьник назовёт великих градостроителей-иноземцев. Взять только Санкт-Петербург. Это и Трезини (первый генеральный план города на Неве), и Растрелли (Зимний дворец, Большой Петергофский дворец, Екатерининский дворец в Царском селе), и Росси (здания Сената-Синода, арка Главного штаба с выходом на Зимний дворец; но более всего поражает улица Росси, открывающаяся сразу за Александринским театром и создающая впечатле-

ние не улицы, а роскошной и в то же время строгой залы под открытым небом в 220 метров длины, 22 метра ширины и 22 метра высоты), и Монферран (Исаакиевский собор)... А как не вспомнить скульптора Этьена Фальконе с его «Медным всадником»? Кто строил Московский Кремль? Итальянцы Антонио Джиларди, Марко Руффо, Пьетро Солари, Алоизио да Карезано... А в Казани самое красивое здание (Дом Зинаиды Ушковой, ныне главное здание Национальной библиотеки Татарстана) принадлежит архитектурному гению Карла Мюфке (из семьи аптекаря-немца), как и другое здание – Художественной школы (ныне Казанского художественного училища и Казанского филиала Академии художеств).

Но хватит примеров. Обобщим немного.

Дело в том, что все эти итальянцы, французы, немцы, англичане, голландцы и другие были гостями зваными, что в корне противоречит исследуемой пословице, в которой речь идёт о гостях не з в а н ы х. Первым званым чужеземцем был варяг Рюрик с братьями, приглашённый княжить в Новгороде (862). Званые гости (большинство – немцы) стали массовым явлением ещё XI–XVI веках. Особенно при Иване IV. Русские власти были заинтересованы в западноевропейских специалистах – оружейниках, офицерах-инструкторах царских войск, которые «ружья кирпичом не чистят», мастерах литья пушек, фортификаторах, инженерах горного дела...

Но главным зазывалой иностранных специалистов был, конечно же, Пётр I Великий. Это он прорубил окно в Европу, и сначала сам отправился туда гостем – незванным и скрывающим своё подлинное имя. Правда, инкогнито ему с его огромным ростом долго оставаться не совсем удалось. Там, в Голландии, тогда передовой стране Европы, Петра удивляло всё, и всему-то он хотел научиться, перенять для России. Добравшись до Амстердама, он окончательно понял: лучший способ заимствования западной цивилизации – это

приглашение её представителей к себе на родину.

Мореплаватель Баренц (Баренцево море), бургомистр Амстердама, картограф, доктор права Витсен (уникальный труд «Северная и Восточная Тартария»), личный врач Петра I, медик Бидлоо (первый российский госпиталь, первый учебник по хирургии в России, первый анатомический театр, школа хирургии), отец и сын Виниусы (чугуноплавление, металлостроение, Тульские оружейные заводы, международная почта)... Далее без имён для краткости: адмиралтейства – центры кораблестроения (в том числе – в Казани), первые разводные мосты, музеи, ботанические сады, города Одесса, Севастополь – всё это голландцы (в основе С.-Петербурга всё тот же Амстердам с его каналами и планировкой).

Пётр-реформатор не ограничился приглашением профессиональной аристократии, он сотнями нанимал голландских матросов, кораблестроителей, плотников, мебельщиков, каменотёсов, садовников, не говоря уж о градостроителях, художниках... Он собрал великолепную коллекцию голландской живописи, в которой и по сей день гордостью Эрмитажа является «Возвращение блудного сына» Рембрандта.

Всё это естественным образом сказало на русском языке. *Гавань, аврал, вымпел...* и даже *махорка* – слова голландского происхождения.

Последовательным хлебосольством к голландцам и прочим немцам, то есть иноземцам, не владеющим русским языком (немым), была Екатерина II. В 1762 году императрица издала два манифеста, позволяющих иностранцам селиться в России. Она обосновала манифесты своим материнским попечением мира и благоденствия вверенной ей Российской империи, а также заботами об умножении этой обители.

Возвращаясь к теме, повторю: не надо званых гостей называть незваными. Зваными они были, эти европейцы, зваными.

И не мог Пушкин – воспользуюсь старинным портовым языком – «катить

бочку» на европейцев. Он сам до мозга костей был европейцем.

М. Галиев задаётся вопросом и тут же сам отвечает: *«Но что представлял собой Пушкин? Образованный и начитанный. В его библиотеке в основном французские, немецкие книги. Его воспитывали гувернантки, выписанные из Парижа».*

Добавлю, что и все его любимые герои произведений – Евгений Онегин, Татьяна Ларина, Мария Троекурова, Ленский, Дубровский... такие же, воспитанные на европейской культуре люди. Пушкин был наипервейшим западником, хотя и не совсем сознавал это, как впоследствии Чаадаев, Герцен, Белинский... И прозвище ему лицеисты дали меткое и соответствующее – «Француз».

Замечу, что Марсель Галиев и сам собою входит в противоречие. Посудите сами:

«Увы, Пушкин при всей своей гениальности не смог стать выше обывательского настроения толпы, подогретого официальной «пропагандой». Народы, проживающие в империи – татары, черемисы, мордва, черкесы, ханты, манси и другие, – виделись поэту тёмной необразованной массой».

И всё это, утверждает автор, логично вытекает из среды, в которой рос Пушкин и для которого единственным окошком для разглядывания Руси была няня Арина Родионовна.

Но через пару абзацев М. Галиев меняет курс размышлений на прямо противоположный: *«Однако поэтический трон Пушкина столь непоколебим и высок, что необходимо искать другое объяснение. Смысл сказанного гораздо глубже...»*

Он начинает искать другое объяснение и находит его в том, что Пушкин, как уже ранее сказано, под незваными гостями имел в виду европейских чужеземцев. *«Иностранцы – вот кто были для русского населения «незваными гостями», смутившими спокойствие, эдакими энергичными штольцами, прогнавшими сладкий сон. Они чужаки, они – плохие».*

А закваска пословицы как раз в том, что незваные гости – это не образованные и прагматичные «штольцы» или прочие чужеземцы, а напротив – простые люди, забредшие в гости так просто, без приглашения, своеобразные винни-пухи из известного мультфильма. В связи с ними-то и вспоминается частенько эта некорректная, обидная для современных татар пословица, хотя в те времена татарам были и чеченцы, и дагестанцы, и «друг степей калмык», и многие другие «инородцы» (вспомните хотя бы прозу Лермонтова, Толстого). А отдуваться за всех приходится народу, со временем не поменявшему это название, придуманное не им самим.

Частенько этой поговоркой, так сказать, с юмором «гости» оправдываются за неусловленный визит. Синоним пословице: прошу простить за неурочный час (появление).

Заставляет поразмышлять ещё один, весьма вольный, посыл Марселя Галиева:

«Эх, слова-слова, какую власть вы имеете над людьми?! Ладно бы злобная бабуля на рынке обронила про «незваного гостя», но нет, из уст русского поэта им суждено было жить в веках и клеймить целый народ! И хоть стоит под эпитафией, что это «пословица», на самом же деле придумал её не народ, а Пушкин. А потом выдал за народную мудрость! Среди писателей – это старый трюк».

Прежде всего, прошу прощения, что цитирую корявый перевод с татарского языка на русский. А по сути, автор не приводит никаких доводов к своему заявлению о Пушкинском авторстве изречения. Заявил, так, будь добр, докажи заявленное последующим абзацем, двумя-тремя неопровержимыми фразами, цитатами, ссылками. Нет! Сказал... и всё, трава не расти! А ведь и в других языках издревле существует эта поговорка – в польском, украинском... А на русском она имеет вариации. Например: «Не в пору гость и т. д.» Такой вариант использовал Тургенев в письме к

Вяземскому. «Не в пору гость» – так назвал П. Федотов одну из известнейших своих картин, которая более известна под вторым названием «Завтрак аристократа». Знал ли живописец, что использовал только часть поговорки?

К чему мы тут пришли? Марсель Галиев ни коим образом не доказывает авторскую принадлежность пословицы самому Пушкину, но и доказать, что пословица существовала до Александра Сергеевича тоже трудно. Все эти энциклопедические уверения, мол, пословица рождена в XIII–XV веках, бездоказательны, а высказывания Тургенева, Вяземского, Белинского и т. д. были после написания «Капитанской дочки».

Сама я придерживаюсь следующей версии. Пушкин приступил к написанию главы «Капитанской дочки» под названием «Незванный гость», где речь идёт о незваном и самозваном Пугачёве, и тут ему подвернулась созвучная поговорка (для поэта созвучия, рифмы очень важны). Именно поговорка, а не пословица. Пословицы обыкновенно состоят из двух противопоставляемых частей (тише едешь – дальше будешь, семь раз отмерь – один раз отрежь), поговорки же одночастны и без антитезы, каковым и является исследуемое изречение. Так что Пушкин ошибочно назвал его пословицей. И вот он притягивает это где-то услышанное (не от Арины ли Родионовны?) созвучное творческой задумке суждение, и оно в печатном виде приобретает (1936) афористичное, наскальное значение, которое не могут стереть никакие ветра веков. Ошибившись с определением формы высказывания, поэт ошибается и в содержательном плане. Есть такое литературное понятие – *авторская глухота* (речь идёт об авторских ошибках), и имеются статьи энциклопедического характера, где со своей авторской глухотой фигурируют наряду с Пушкиным – и Лермонтов, и Плещеев, и Фет, и Маяковский... Так что и боги ошибаются. Эту поговорку про незваного гостя в эпитафие к одной из глав «Капитанской дочки» я считаю

небрежностью Пушкина, когда содержание поставлено в угоду форме.

* * *

О книге Марселя Галиева «Поэзия духа» хочется в целом сказать, что это редкой художественной силы и красоты произведение, особенно главы, посвящённые Слову, Поэзии... Недаром они были выбраны для публикации «Казанским альманахом». Читая их, вспоминаешь великие образцы всемирной литературы, посвящённые этой теме. В этих главах и философия, и поэзия, то есть необыкновенной силы образное мышление, и темперамент автора объединены в одно ударное целое. Именно эти главы поднимают книгу над серым и однообразным потоком современной литературы. О них можно сказать словами классика: «По сути дела, это музыка, случайно записанная не нотами, а словами». Совсем не напрасно автор сначала назвал свою книгу «Симфония духа». Кстати, ладные, многоплановые произведения литературы нередко назывались именно так – симфониями. Например, Ромен Роллан называл симфонией «Войну и мир» Льва Толстого.

Но это к слову. Вернёмся в наши дни.

Книга Марселя Галиева заслуженно удостоена Державинской премии. Её заслужили именно эти главы, переведённые Гаухар Хасановой. Однако следует заметить, что в книге имеются части, которые не составляют книжное целое под названием «Поэзия духа» (в альманахе – «Симфония духа»), есть глава, которая, как видите, вызвала множество вопросов, в которой уже нет убедительности и высокого поэтического слова, которую и перевели не совсем удачно другие переводчики.

Но кто и что у нас без недостатков? Если даже Пушкин порою ошибался и попал в лапы зануд, подведших его под статью «Авторская глухота», то что уж там!..

Люди, их поступки, произведения – книги, симфонии... – судятся по наивысшим достижениям, как горы по пикам, как птицы по полёту. Пики «Симфонии духа», ноты её поэтического полёта по большому литературному счёту высоки и прекрасны. Моя статья ни в коей мере не принижает достоинств произведения в целом, просто в ней высказываются мысли, которые кое-где не совпадают с точкой зрения автора книги.

